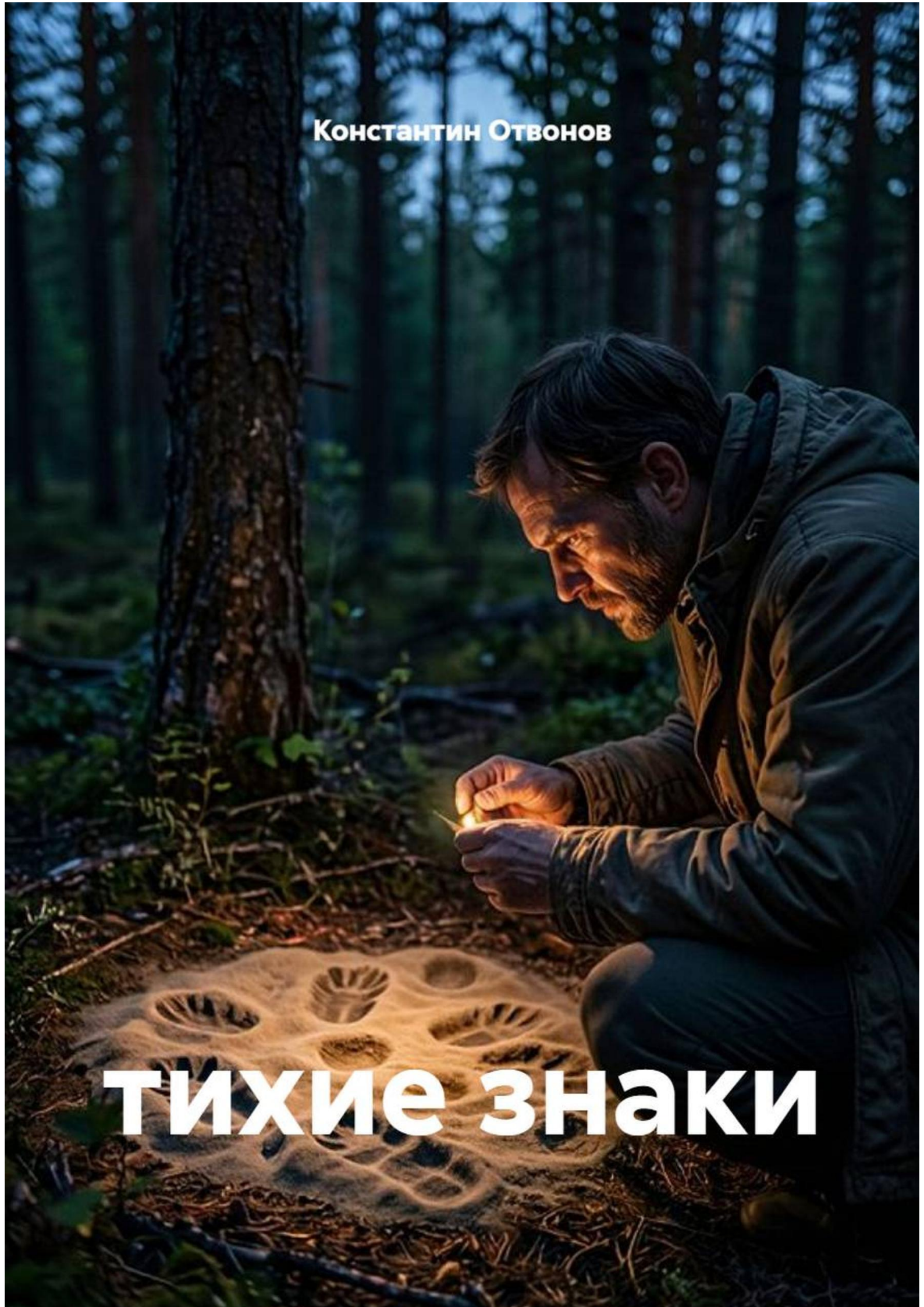

A man with a beard, wearing a dark jacket, is crouching in a forest at dusk. He is lighting a match, and the flame illuminates a human skull lying on the ground in front of him. The skull has several circular marks on its surface. The background is a dense forest with tall trees.

Константин Отвонов

ТИХИЕ ЗНАКИ

Константин Отвонов

тихие знаки

«Автор»

2026

Отвонов К.

тихие знаки / К. Отвонов — «Автор», 2026

«Тихие знаки» — мистический рассказ о том, как обычный человек учится слышать голос леса и беречь хрупкую границу между миром людей и древними силами. Герой проходит путь от недоверия к осознанному служению: вместе с егерем Игнатом он раскрывает забытые традиции, читает тайные знаки в обыденном — в узорах наличников, в пыли на перекладине, в поведении зверей — и в решающую ночь проводит ритуал укрепления границы. Появление Белого Волка становится не угрозой, а знаком доверия: лес выбирает того, кто готов видеть, помнить и беречь. История о взрослении через ответственность и о том, что истинная сила — в внимательности и памяти.

© Отвонов К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Константин Отвонов

тихие знаки

Глава

Я не собирался оставаться в деревне надолго. Приехал на пару дней — помочь дядьке крышу перекрыть, да заодно вытряхнуть из головы городскую суету, где всё звенит и мелькает. Но стоило только сойти с автобуса, как воздух тут же вцепился в лёгкие: густой, смолистый, тяжёлый от влаги и хвои. И тишина. Не та тишина, когда просто тихо, а такая, будто лес слушает, что ты скажешь.

Дядька мой, Фёдор, встретил меня у калитки и сразу, не здороваясь толком, кивнул в сторону леса:

— Опять следы.

Я подумал, он про лося или медведя. У нас в тайге всякое ходит. Но Фёдор покачал головой, прищурился, и в этом прищуре было что-то нехорошее, будто он уже знал, что я сейчас увижу.

Мы пошли по тропинке, которая давно стала тропой только для своих: корни выпирали, как старые кости, мох пружинил под сапогами. И вот, на развилке, где тропа раздваивается у поваленной сосны, на сырой глине отчётливо лежали отпечатки. Большие. Слишком большие. И форма странная: будто у зверя пальцы чуть длиннее, чем положено волку, а подушечки — ровные, почти гладкие, как если бы он шёл по чему-то мягкому и не успел стряхнуть налипшее.

— Белый Волк, — тихо сказал Фёдор, будто боялся, что его услышат. — Третий раз за месяц.

Я хмыкнул, хотел пошутить про бродячего пса или про то, что глаза обманывают, но Фёдор посмотрел на меня так, что шутка застряла в горле.

— Ты не смейся. Он не просто так ходит. В прошлом году у Петровых корова пропала. Не задрана, не растерзана — просто исчезла. А на следующий день у них крыша обвалилась. В позапрошлом — у старого Матвея пожар случился, хоть и дождь шёл. Это не зверь. Это знак.

Мне стало не по себе. Не от страха, а от того, как спокойно он это говорил, будто речь шла о погоде.

Вечером, когда мы сидели у печки и пили крепкий чай, я спросил про легенду — про то, как Белый Волк спас деревню от голода. Фёдор кивнул, но в глазах мелькнуло что-то другое, не то тепло, что бывает, когда вспоминают доброе.

— Спас, — сказал он. — Но знаешь, что самое странное? Он не всех ведёт. Он выбирает того, кто готов идти туда, где страшно. А если человек трусит или думает только о себе — Волк просто смотрит и уходит. И тогда беда приходит сама.

Я хотел было сказать, что это всё сказки, но тут за окном что-то хрустнуло. Не ветка, не зверёк — будто кто-то большой наступил на сухую палку и тут же замер. Мы оба повернулись к окну, где стекло было мутным от холода. И в этом мутном стекле, на секунду, мелькнуло белое пятно. Оно не двигалось — оно просто было, как отражение, которого не должно быть.

Фёдор медленно поднялся, подошёл к сундуку в углу, достал оттуда старую холщовую тряпицу и развернул. Внутри лежала краюшка чёрствого хлеба и щепотка соли.

— Пойдём, — сказал он, голос у него стал сухим, как старая кора. — Надо оставить.

Я пошёл за ним, и каждый шаг давался тяжело, будто земля не хотела меня пускать. Мы дошли до каменного круга — тех самых валунов, о которых говорилось в легенде. Они стояли неровным кольцом, поросшие серым мхом, и между ними висел такой холод, что даже воздух казался густым. Фёдор положил хлеб и соль на плоский камень посередине, перекрестился по-старинному, двумя пальцами, и прошептал что-то, чего я не расслышал.

И тут из темноты, из-за дальнего камня, вышел он.

Не бросился, не зарычал. Просто вышел и встал, будто ждал, пока мы его заметим. Огромный, с шерстью, которая не была просто белой — она как будто впитывала остатки света и возвращала их тусклым сиянием. Глаза у него были не звериные: в них не было ни ярости, ни голода. В них была усталость. И знание.

Он посмотрел на меня. Прямо в меня, так, что внутри всё сжалось, будто кто-то рукой сжал сердце. И я вдруг понял: он не пришёл за Фёдором. Он пришёл за мной.

Волк медленно повернулся и пошёл прочь, ступая так бесшумно, что даже сухие листья не шелестели под его лапами. И я, сам не понимая почему, шагнул следом. Фёдор схватил меня за рукав, но я вырвался — не грубо, но твёрдо.

— Я должен, — прошептал я, и сам удивился, как уверенно это прозвучало.

Лес стал другим. Тропы исчезли. Корни цеплялись за ноги, ветки хлестали по лицу, но я шёл, а впереди, в полумраке, белела шерсть Волка. Он не ускорялся, не оглядывался — он просто шёл, зная, что я иду за ним.

Наконец мы вышли на небольшую поляну. Здесь было странно тихо — даже ветер не шевелил верхушки деревьев. В центре поляны земля была разрыта, будто кто-то копал, но не лопатой, а когтями. И из этой ямы тянулся вверх тонкий, дрожащий свет — не огонь, не сияние, а что-то холодное и живое.

Волк остановился на краю ямы, сел и снова посмотрел на меня. И в этот раз я понял, что он не зовёт меня смотреть. Он зовёт меня решать.

В ту ночь я увидел то, что не должен был видеть. То, что лежит под корнями старых деревьев и ждёт своего часа. И когда я вернулся в деревню, я уже знал: Белый Волк не спасает просто так. Он показывает путь тем, кто готов заплатить за знание.

Теперь я каждый вечер выхожу к каменному кругу и оставляю там краюшку хлеба. Не потому, что боюсь. А потому, что помню его взгляд. И знаю: если беда снова постучится в дверь, он придёт. И, возможно, снова выберет меня.

Я не останавливался у каменного круга, чтобы подумать. Ноги сами несли меня обратно к дому Фёдора, а в ушах всё ещё стоял этот странный, неживой свет из ямы — будто земля дышала чем-то чужим. Хотелось просто упасть на лавку, закрыть глаза и убедить себя, что это был морок, туман, игра уставших глаз. Но я знал: не было никакого тумана.

Когда я шагнул на крыльцо, дверь распахнулась раньше, чем я успел взяться за скобу. На пороге стоял не Фёдор. Это был егерь — высокий, жилистый, с лицом, будто выточенным из старого дерева. На плече у него висела потрёпанная сумка, а на груди болтался тяжёлый медный жетон. Он смотрел на меня так, будто знал про яму, про свет и про то, что я шёл за Белым Волком.

— Ты видел его, — сказал он без вопроса. Голос у него был низкий, тяжёлый, как эхо в ущелье. — И ты пошёл.

Я кивнул, и от этого кивка у меня внутри всё сжалось.

— А теперь ты знаешь, — продолжил егерь. — Не всё, конечно. Но достаточно, чтобы беда прилипла к тебе, как смола. Меня зовут Игнат. И я здесь не просто так.

Фёдор выглянул из-за спины Игната, лицо у него было серым, будто он постарел за эти полчаса.

— Он с кордона, — тихо сказал Фёдор. — Он знает про эти места больше любого из нас.

Игнат не стал заходить. Он шагнул вниз со ступенек, повернулся к лесу и махнул мне:

— Пойдём. Тут нельзя стоять и ждать.

Мы шли быстро, почти бегом, и только когда заросли сомкнулись над тропой, Игнат наконец заговорил:

— Белый Волк — это страж границы. Он не добрый и не злой. Он просто держит равновесие. А там, где ты видел свет... там граница треснула. Кто-то раньше времени попытался заглянуть за край. Или что-то само полезло наружу.

— Что полезло? — выдохнул я, споткнувшись о корень.

Игнат остановился, резко, так, что я чуть не врезался ему в спину. Он посмотрел на меня пристально, и в его взгляде не было жалости.

— Дух. Не тот, что в сказках, не добрый дедушка-лесовик. Это остаток чего-то древнего, что жило здесь до людей. Оно не помнит себя, но помнит голод. И оно ищет, к чему прицепиться. К месту. К человеку.

Он помолчал, будто прислушиваясь к лесу, и добавил тише:

— Говорят, сто лет назад тут пытались копать золото. Не просто так, а с обрядами. Чтобы земля сама отдавала руду. Но обряды эти были не про просьбы, а про сделки. И вот сделка пошла не туда. Дух, которого они разбудили, не захотел уходить. Его загнали обратно, но не до конца. Он остался в корнях, в камнях, в самой почве. И теперь, когда граница слабеет, он ищет лазейку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.